

К Р О К О Д И Л

№ 6 ФЕВРАЛЬ

р. 556
16

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

Рис. М. Черемных

СУД ДА ДЕЛО

— Это нашего района народный суд переезжает.
 — Да ты почему знаешь?
 — А как же — вот оно, мое дельце-то!

Рис. Ю. Ганфа

— Дяденька, подай колонию!..
— Отстань!

— Не мучь дите... Давай колонии!

ЖАЛОБА

Многие граждане жалуются, что в настоящее время жаловаться не представляется чем-нибудь легким и что это иной раз связано, что ли, с волокитой.

Но я не разделяю этого мнения. Написать претензию в жалобную книгу — это чистое и святое дело.

На эту претензию сразу и без всякой волокиты отзывается директор или, там, заведующий. И сразу под вашей жалобой он пишет свое умозаключение. И на этом дело заканчивается к общему благополучию. Так что я удивляюсь на тех граждан, которые вякают о волоките.

Другое дело, если жалобщик пожелает обойти этот подводный камень в лице заведующего. Вот если он свою жалобу не запишет в жалобную книгу, а подкиннет ее, так сказать, через голову заведующего — вот тогда, конечно, движение жалобы иной раз будет несколько более медленным, чем в другой раз хотелось бы. Не скажу, что будет волокита, но некоторый, что ли, туман может возникнуть.

Со мной, например, случилась в одном кооперативе неприятность. Перед выходным днем я заскочил в кооператив что-нибудь купить в рассуждении ожидаемых гостей.

Куплена была разная дешовенькая снедь и в том числе соленые огурцы.

Но подавать гостям огурцы — это нерационально. И, купив их, я подумал: «Гости обопьются, и это будет лишняя канитель в хозяйстве».

И тогда я говорю работнику прилавка:

— Купленные огурцы замени мне, милый друг, яблочной повидлой.

Но тот, будучи, наверно, в раздраженном состоянии, отказался это сделать.

Тут мы с ним, как говорится, немножко схлестнулись чисто на словах. В результате чего он обозвал меня размагниченным интеллигентом и потом добавил одно нехорошее слово в ответ на мои слова, что у него печочка лопнет, если он будет сердиться.

Тут произошла неприятная стычка. Он брызнул слегка

в меня рассолом. Но не попал. А капнул на одну солидную даму. Я вызвал заведующего, но тот сказал:

— Сам черт не разберет, кто из вас виноват. Вы бы его не сердили, и все было бы хорошо. А если вы против него имеете зуб, то напишите жалобу в этой книге. А я ее разберу.

— Ну, нет, — говорю, — сердечный друг. Я повыше махну! И мы увидим, что будет с этим работником прилавка!

И на другой день я послал свою жалобу в ихнее управление. Захожу туда через неделю. Там говорят:

— Зайдите в районное управление; мы туда вашу жалобу перекинули.

Захожу туда. Там говорят:

— Что ж они перекидкой занимаются? Как будто у нас своих дел мало! Где мы будем ваше заявление искать? Но если вы еще не остыли к этому делу, то напишите нам снова, и мы вашу претензию разберем.

Вот я написал снова и подал им.

Захожу через неделю. Там говорят:

— А мы послали вашу жалобу к заведующему в магазин. Он к этому факту ближе стоит и пусть он разберет.

С душевным трепетом я иду в магазин. Мне там говорят: — Заведующего нету. Он, знаете, на прошлой неделе «загремел»: его сняли за одно нечистоплотное дело.

Я говорю:

— А кто его заменяет?

Вдруг тот же самый приказчик, что со мной схлестнулся, говорит:

— А, честь имею кланяться. Я временно его заменяю.

— Вот так номер!

— Если вы заскочили насчет вашей жалобы, то я согласен дело ваше прекратить. Если, конечно, вы извинитесь за допущенное вами оскорбление на моем посту.

Ошалев от неожиданности, я сказал ему «извините» и в растрепанных чувствах вышел из магазина.

И теперь жалобу пишу прямо в книгу, чтобы не было лишней волокиты.

Заслуж. деят. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

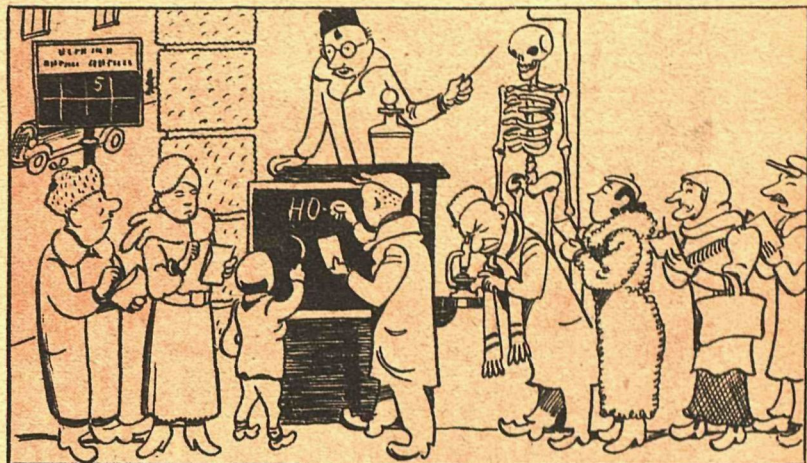
ЗА КУЛЬТУРНУЮ ОЧЕРЕДЬ!

КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ХУДОЖНИКА Ю. ГАНФА

Нужно ли говорить, что на сегодняшний день автобус не мыслится без очереди никем — и в особенности Автотрансом? А раз так, раз очередь — вещь неизбежная, было бы вконец неверным оставлять очереди без охвата и вне учета. Среди очереди надо вести культуру. Это истина. Но как? Наш художник предлагает несколько способов.

Легче всего занять очередь физкультурой. Зимой мы можем наблюдать встречные стремления среди составляющих очередь индивидуумов к зачаткам физкультуры. Они сами топчут ногами, похлопывают себя руками по спине и т. д. Стоит только придать очереди инструктора-физкультурного организатора, который эти движения введет в русло организованной физкультуры — и проблема решена.

Сложнее, но благодарнее задача развертывания для автобусной очереди занятий в объеме школы первой ступени плюс медико-фармацевтический техникум или плюс чертежные курсы. Поголовный охват учебно-лиц, находящихся в очереди, затрудняется, во-первых, разным образовательным уровнем этих лиц, а, во-вторых, иногда и тем, что автобус нет-нет, да и под'едет и заберет одного — двух граждан. Впрочем, первые 2—3 зачета всякий успеет съесть до приезда машины.

Этот способ строится на бытовом обслуживании очереди. Эскино. Сосиски. Холя ногтей (в просторечии называемая «маникюр»). Чистка и утюжка брюк. Брюки будут отглажены, снабжены новыми пуговицами. Владельцы брюк еще уныло дожуют третью порцию сосисок, и тогда только покажется вдалеке пузатый автобус и кондукторша, поражая ладонью в грудь вабирающихся на подножку оптимистов, скажет свое извечное: «Останьтесь! Я кому говорю: останьтесь!!»

Время и энергию, расточаемые в очереди, можно обратить и на стенгазету. Вот он — этот «орган остановки автобусов №6, 13, 19, угол Кузьякинского переулка». С любовью расклеенный, мудрый по содержанию, он сплотит вокруг себя очередь, обратит ее из случайного собрания в мощный, спаянный коллектив.

Ожидание автобуса как нельзя больше подходит для шахматной игры. Ничто не потревожит ожидающих. Ни гудки приближающегося автобуса, ни пыхтение мотора. Как говорится, «не зашелхнет, не прогремит». Играй — не хочу! Мы рекомендуем не просто играть, а составлять настоящие турниры да еще в два круга. А победителей посылать на соседнюю остановку для финальных встреч по всему данному маршруту.

А чем плоха самодеятельность? Вот где каждая очередь может выявить затесавшиеся в нее таланты. Хоровое пение, джаз, музыка, театр, изюнец... Современем автобусный трест, составив свою программу для Театра народного творчества, сможет опираться не только на работников аппарата треста и автопарков, но и на всю массу своих пассажиров, точнее, своих ожидающих. Надо ли говорить, как это выгодно для треста и приятно для самих пасса... виноват, ожидающих!

Возможны, разумеется, и другие способы работы среди автобусных очередей. Но и сказанного достаточно. Вполне достаточно, чтобы оценить работу автобусов и талантливое руководство этой организации.

ТРИ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Директор-распорядитель ведомственного издательства «Бланки и формы» Терентий Терентьевич Плотник отличался одной удивительной странностью характера: ему всегда казалось, что его обнесли чарой на пышном жизненном пиру.

Так например товарищ Плотник полагал, что еще во чреве матери он был самой природой предопределен для занятия в будущем поста управляющего большим трестом или главком всесоюзного значения. Свое же пребывание в таком полезном, но тихом и малопопулярном учреждении, как «Бланки и формы», Терентий Терентьевич объяснял про-исками врагов и тайными интригами недоброжелателей.

Поэтому всю свою бурную энергию товарищ Плотник направлял на снискание персональной славы и популярности. Но именно на этой трудной стезе его и постигали крупные разочарования, о коих мы хотим рассказать читателям.

РАЗОЧАРОВАНИЕ № 1

Однажды товарищ Плотник затеял издание роскошного альбома флоры и фауны тех мест, где протекала деятельность его ведомства. С этой целью он завел целый табун фоторепортеров и разослал их во все концы обширной страны.

На автомобилях, на велосипедах, на конях, на верблюдах и даже на горных быках-яках — лихие мастера «лейки» проникали туда, где не ступала человеческая нога, и с риском для жизни снимали, снимали и снимали для «Бланков и форм» все, что подвертывалось под объектив.

Иногда из ближайшего населенного пункта они присылали тов. Плотнику лаконические телеграммы.

«Вышлите тысячу попку нового яка тчк Задержка денег срывает штурмовую с'емку горных объектов».

«Рапортую двт Потеряв переходе трех верблюдов закончили с'емку песков Кара-Тау».

В это время Терентий Терентьевич судорожно боролся за разрешение на издание альбома, потому что в плане издательства оно не числилось. Две инстанции ему удалось уговорить. Он уже воспаренно мечтал о том сладостном дне, когда, воспетый за свой фотоподвиг ведомственной газетой, он поднесет своему шефу и его заместителям тяжелый тисненый золотом альбом, как вдруг грянул гром.

Третья инстанция нашла издание роскошного альбома флоры и фауны излишним и, усмотрев в этом титаническом предприятии элементы подхалимства, объявила тов. Плотнику строгий выговор с предупреждением.

Фоторепортерам перестали высылать деньги, и они вернулись вспять, с трудом продав на мясо заморезных яков. А товарищ Плотник срочно отправился в крымский санаторий — изживать за счет возглавляемого им издательства тоску своего первого персонального разочарования.

РАЗОЧАРОВАНИЕ № 2

Как-то, сидя в своем кабинете, отделанном не без претензий, тов. Плотник сказал своему секретарю-наперснику:

— Отчего до сих пор не организовано движение жен сотрудников издательства «Бланки и формы»?

Секретарь-наперсник пролепетал нечто невнятное.

— Теперь мне ясно, почему о нас ничего не пишет пресса, — грозно заметил Терентий Терентьевич, — ведь мы же плетемся в хвосте событий. Завтра разошлите повестки всем сотрудникам и пригласите их жен ко мне в кабинет на чай. Раисе Яковлевне тоже пошлите повестку.

На следующий день, ровно в шесть часов вечера, тов. Плотник и его супруга Раиса Яковлевна, завитая и сияющая, сидели в служебном кабинете Терентия Терентьевича и ждали приглашенных жен.

В четверть восьмого пришли две скромно одетые женщины и не без робости заняли места за столом с яствами.

К восьми часам количество жен пирующих за чайным столом тов. Плотника не увеличилось.

Секретарь-наперсник стал проверять личные анкеты сотрудников, и вдруг обнаружилось, что из пятнадцати служащих издательства «Бланки и формы» женатых только

четверо, включая самого директора-распорядителя, остальные же — вдовцы, холостяки и разведенные.

О своем тягостном открытии секретарь шопотом сообщил Терентию Терентьевичу.

— Тсс... — сказал ему тов. Плотник, — тише! Выдумывайте что хотите, но чтобы Раиса Яковлевна ничего не знала.

Но было уже поздно. Раиса Яковлевна узнала все. Она поднялась из-за стола, красная от сдерживаемой ярости, и мягко, но многозначительно сказала.

— Я поговорю с тобой дома, Терентий. Пока, дурачок!

Вслед за ней, растерянно дожевывая яблоки, двинулись к выходу другие две жены. На этом движение жен сотрудников издательства «Бланки и формы» и закончилось.

РАЗОЧАРОВАНИЕ № 3

Узнав из газет, что в недалеком будущем в городе состоится олимпиада самодеятельности, Терентий Терентьевич приказал секретарю-наперснику срочно выявить минимум два (2) таланта среди служащих издательства «Бланки и формы».

— Это вовсе не напряженный план — два (2) таланта, — убеждал секретаря Терентий Терентьевич. — Не должны же «Бланки и формы» отставать от всех. Поговорите с Цыплятовым, он, кажется, играет на фаготе.

Через два дня секретарь доложил тов. Плотнику, что план выявления талантов им выполнен на сто процентов.

Талантов нашлось в «Бланках и формах» два: упомянутый бухгалтер Цыплятов — фаготист и швейцар Иван Карнизов — декламатор. В кабинете Терентия Терентьевича был устроен просмотры и швейцар-декламатор легко переплюнул любителя-фаготиста. Он прочитал «Вещего Олега» с такой накладкой, что директор-распорядитель покрылся мелким потом восхищения и восторга.

— Он читает так, что я буквально чувствую, как его кусает змея, — шопотом сказал он на ухо секретарю. — Этот швейцар — настоящий актер. Он уложит всех на олимпиаде и прославит наши «Бланки и формы». С завтрашнего дня пусть готовится к выступлению. Давайте ему гоголь-моголь из фонда улучшения быта сотрудников.

Через неделю посвежевший и раздобревший на казенном гоголь-моголе швейцар Иван Карнизов на личном автомобиле товарища Плотника был отправлен на комиссию, которая проверяла участников олимпиады перед выступлением.

Терентий Терентьевич сидел дома, склонившись над телефонным аппаратом в позе полководца, ожидающего донесений с поля битвы.

И вот раздался стук в дверь, и в комнату блудливо беспечной походкой провинившегося сеттера вошел секретарь-наперсник.

— Что там еще? — нервно моргая, спросил тов. Плотник.

— Вы на сто процентов правы, — гадко улыбнулся секретарь. — Наш швейцар — настоящий актер.

— Еще бы, я это почувствовал сразу, как только он дошел до гробовой змеи.

— Да, но он бывший актер, Терентий Терентьевич. Он так шипел, изображая змею, что комиссия сразу догадалась и начала против него копать. Докопались, что его уволили якобы за бездарность из пяти театров, в том числе даже из так называемого среднесинтетического. Он, оказывается, и в швейцары-то пошел потому, что его ни в один театр не брали. Он признался, что хотел через самодеятельность просочиться, так сказать, назад к Мельпомене.

— Я вас увольняю за незнание кадров, — прохрипел тов. Плотник.

Терентий Терентьевич тут же написал приказ, и это было его последнее распоряжение и последнее разочарование в стенах издательства, ибо на утро его самого сняли за удручающий развал всего дела издания бланков и форм.

О снятии Т. Т. Плотника написали в ведомственной газете — и так он, наконец, прославился. Но это была очень грустная слава. И мы ее не пожелаем никому из наших читателей.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. Л. Генча

— Почему в вашей газете нет постоянных отделов?
 — То есть как нет?! Да у нас их целых три: отдел поправок, отдел опечаток и отдел приветствий районному руководству.

О НЕРАЦИОНАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Нет, товарищи, Эдиссон думал не то.

Старик Томас Альва Эдиссон, когда выдумывал телефон, рисовал себе куда более радужные картины.

Если хотите знать, старик Эдиссон, возможно, даже надеялся, что дураки, может быть, не будут пользоваться его изобретением. Дураки и бюрократы.

И вот сейчас мы ясно представляем себе, как бранные останки великого изобретателя тяжело ворочаются в гробу.

Одним словом, первого февраля сего года заведующий отделом культуры и пропаганды Буйнакского райкома партии Мустафаев проснулся в чудесном рабочем настроении и решил проверить, как трудящиеся Буйнакск изучают доклад товарища Сталина о проекте Конституции. И вот, в тот самый момент, когда он совсем уже было остановил свой выбор на кружке инкубаторной станции, его пламенный взор случайно остановился на телефонном аппарате. Не зная, что Эдиссон выдумывал телефон не для того, чтобы проводить при его посредстве глупые мероприятия, Мустафаев решил сказать свое новое слово в постановке контроля за работой политкружков.

Он прикинул в уме расстояние до инкубаторной станции, вышло что-то около ста — полтораста метров. Полтораста метров туда, полтораста метров обратно — триста метров: да этак ног не напасешься.

И тов. Мустафаев решил провести проверку знаний слушателей политкружка по телефону.

И человека (конюха тов. Гаджи) человек (руководитель кружка)

послал к телефону властным взглядом. И тов. Мустафаев, сидя у себя в кабинете, бдительно и с пристрастием задавал по телефону контрольные вопросы товарищу Гаджи. Тов. Мустафаев задавал вопросы по-русски тов. Гаджи, который изучал доклад товарища Сталина о проекте Конституции на кумыкском языке, отвечал по-кумыкски.

К чести тов. Гаджи, он правильно ответил на вопросы, заданные Мустафаевым. Но когда Мустафаеву стало ясно, что Гаджи, неграмотный конюх, правильно усвоил доклад товарища Сталина, доблестный заведующий отделом культуры и пропаганды так зычно крикнул в телефонную трубку: «Дальше!», — что Гаджи не выдержал, побледиел, перетрусил от этого необычного экзамена и срочно повесив трубку, отрицал от эдиссонова творения.

Между тем, как мы уже выше сказали, Эдиссон тут абсолютно не при чем, и не его вина, если его чудесное изобретение попадает под руки людям, мягко выражаясь, не совсем толковым.

И если мы все же сохраняем бодрость и веселое состояние духа, то потому, что уверены, что секретарь Буйнакского райкома, прочитав эту грустную повесть, воспользуется эдиссоновым изобретением так, как оно этого заслуживает. Т. е., примерно, следующим образом: подымет трубку и, поочередно пригласив к себе членов районного комитета партии, срочно вместе с ними проверит, в каком состоянии находится партийное просвещение под опасным руководством тов. Мустафаева.

И. БУШУЕВ

И ТАК БЫВАЕТ...

Около пяти часов мимо моего служебного стола прошел П. С. Чоботов с подозрительно разбухшим портфелем подмышкой.

— Ты куда так рано? — спросил я.

— Собрался, понимаешь, в баньку. После трудового дня, понимаешь, не грех попариться...

— П. С.! — сказал я Чоботову. — Будь другом, обожди меня! Вместе пойдем.

— Что ж, идем.

— Только вот у меня заседание юбилейной комиссии: будем отмечать тридцатилетие бухгалтерской деятельности Забабурина. Но это — двадцать минут, не больше.

Мудрый П. С. Чоботов отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это не двадцать минут...

— Даже меньше! Все уже решено. Упавлов договорился с рестораном № 17-бис. Надо только решить вопрос: с салатом оливье будет банкет или с салатом паяр?..

— Нет, — повторил чуткий Чоботов, — тут не двадцать минут. Но — ладно. Я хороший товарищ и обожду тебя.

Грустно, но с мужественным выражением лица вошел за мной П. С. Чоботов в кабинет Степанова.

Степанов стоял за изогнутым, как арфа, своим бюро и бодро говорил:

— Давайте, давайте, товарищи, скоренько! Вот и Тефтелев... И Голосовкер здесь... Давай, Мышенков, докладывай, до чего ты там договорился.

Все расселись, нагнали на лица скучное выражение, и Мышенков начал:

— На сегодняшний день у нас имеется полная договоренность с рестораном Мостропа № 17-бис в отношении юбилейного банкета. Имеется только недоговоренность в отношении салата. Поскольку на сегодняшний день в отношении салата паяр цена стоит на один рубль дороже, поскольку она лимитируется ценой на консервированные крабы...

— Это «схатка»? — спросил с места Голосовкер.

— Чего ты?

— Я говорю «схатка». На жестянках с крабами почему-то всегда пишут «схатка». Латинским шрифтом.

— А-а... — неопределенно протянул докладчик.

А я нетерпеливо добавил, думая о бане:

— Давайте, товарищи, не будем перебивать!..

Председательствующий Степанов постучал карандашом по чернильнице, и Мышенков продолжал:

— Я думаю, что в отношении салата мы можем обойтись оливье, почему?

Потому что намечена другая рыба, в лице тешки.

— Тешка — не лицо, а бок, — заметил с места член юбилейной комиссии Корепанов.

Возник смешок, Степанов постучал карандашом, и докладчик закончил:

— Вот, собственно, и все. В отношении остального мы имеем полную договоренность. Так что давайте зафиксируем оливье и — точка...

Почти все присутствующие закивали головами. Я повернулся к П. С. Чоботову и снисходительно шепнул ему:

— Сейчас двинем в Сандуны... Ну, кто был прав?

Но Чоботов раздумчиво поводит у меня перед носом указательным пальцем.

— Подожди, — сказал он, — еще ни одного возражения не было. Сейчас кто-нибудь будет возражать с принципиальной точки зрения.

И, действительно, не успел Чоботов закончить свои слова, как из дальнего угла комнаты протянулась рука и обиженный голос произнес:

— Степанов, дай мне высказаться, так сказать по существу...

— Говори, товарищ Пузырев.

— Я и буду говорить. Я, товарищи, не понимаю, почему в такой для всех нас радостный день, как юбилей товарища Забабурина, Петра Александровича...

— Он Андреевич, а не Александрович.

— Тем более. Почему мы должны в такой день идти куда-то в кабак, а не соединиться здесь, в этих стенах, в которых... с которыми... которые...

— Что «которые»?

— Я так не могу говорить. Перебивают.

— Товарищи, давайте соблюдать этот... — как его? — порядок.

— Вот именно. Я продолжаю. Почему нам не устроить ужин хозяйственным способом?

— А горячее кто будет готовить здесь?

— Дайте, я ему отвечу!

— Товарищи, к порядку! Мышенков, ты выскажешься в заключительном слове. Продолжай, Пузырев.

— Я сейчас кончу. Я считаю, что банкет должен быть здесь, а не где-то в ресторане. Здесь будет и уютнее и дешевле.

— Нет, не дешевле.

— Нет, дешевле.

— Нет, не дешевле.

— Товарищи, давайте к порядку. Думаю, что можно ставить на голосование...

Я опять наклонился к Чоботову и

произнес далеко уже не с прежней уверенностью:

— Сейчас проголосуем и — айда!

Чоботов отрицательно покачал подбородком и заметил:

— Во всяком вопросе есть старожил, который обязательно разъяснит историю вопроса...

— Степанов, я хочу до голосования, — крикнул Голосовкер и, поймав утвердительный кивок председателя, начал: — Товарищи, я должен сказать, что товарищ Пузырев, к сожалению, отсутствовал, когда мы утрясали этот вопрос на месткоме. И товарищ Пузырев совершенно не знает, что мы имеем две резолюции: от 15 февраля и еще раньше — насчет того, чтобы чествование Забабурина проводить именно не в стенах нашего треста, но исключительно в ресторане... Я думаю, если покопаться в протоколах...

— Товарищи, не довольно ли нам копать? — сердито сказал я.

Чоботов мягко остановил меня, положив руку на плечо, и шепнул:

— Подожди. Во-первых, докладчик еще не выразил своей обиды, и потом никто еще не говорил не по существу вопроса.

— А разве это обязательно? — шопотом же осведомился я.

— Говорить не по существу? — без этого обычно заседание не проходит.

Пока мы шептались с Чоботовым, Голосовкер закончил историю вопроса, и говорил снова докладчик Мышенков о салатах.

— ...и меня это удивляет, — гремел Мышенков, — удивляет прежде всего в отношении лично меня. Я считал, что имею договоренность с комиссией, и поэтому налаживал договоренность с рестораном в отношении ужина. Поэтому меня удивляет выступление Пузырева именно в отношении...

Страсти разгорелись: Мышенков еще не кончил, а уже малознакомый мне товарищ из бухгалтерии трижды просил у председателя:

— Степанов, дай мне внести ясность.

— Сейчас дам тебе внести ясность, — отмахивался председатель, — пусть только кончит... Ты кончил, Мышенков?.. Ну, вноси ясность.

— Сейчас. Товарищи, мне хотелось бы внести ясность в это дело, — начал товарищ из бухгалтерии. — Мне кажется, товарищи, что пора уже как-то поставить вопрос о членских взносах.

— О каких взносах? — испуганно спросили двое — трое.

— О взносах в МОПР. Когда меня выбирали, товарищи, уполномоченным по МОПР, то все подбодряли: дескать, валяй, товарищ Синицын, действуй, товарищ Синицын, мы тебя поддержим,

Рис. Л. Сойфертиса

— Где же он ногу отморозил? На лыжной вылазке?
— Зачем? У нас же в клубе.

товарищ Синецын!.. А на самом деле, что получается? Получается задолженность, товарищи. Взять, например, докладчика — товарища Мышенкова. Четыре месяца задолженность. Скажите, это нормально? Или ты, товарищ Степанов. Пять месяцев...

Тут поднялся страшный шум. Перебивая друг друга, все стали требовать, чтобы о посторонних делах не говорили.

Я с почтительным восхищением оглянулся на П. С. Чоботова. П. С. Чоботов предвидел решительно все.

— П. С., — тихо спросил я, — ну, скажи мне, что произойдет дальше?

П. С. потер себе переносицу и ответил:

— Теперь бы время выступить человеку со стороны. Человеку, вообще не имеющему отношения к нашему тресту.

Тут П. С. Чоботов огляделся и указал мне пальцем:

— Кто — этот, с рыжеватой бородкой?

— Понятия не имею, — отозвался я. — Первый раз его вижу.

— Ну вот он и будет говорить.

И точно: едва умолк шум, вызванный речью Синецына о МОПР, рыжебородый незнакомец кашлянул и сделал шаг вперед.

— Товарищи! — сказал рыжебородый. — Я на вас смотрю и буквально удивляюсь. Буквально. Разве ж так де-

лают с юбилеями? Вот у нас тоже был один юбилей в совхозе. Так мы что? Зарезали сами телка. Барана зарезали, восемь гусей. И безо всяких буквально салатов сами же все...

— Кто — сами?!

— Откуда вы?!

— В чем дело?!

— Мы сами. Молочный совхоз в Бронницком районе...

— Товарищ, нельзя же так! У нас-то нету своих баранов!..

П. С. Чоботов наклонился к моему уху:

— А пожалуй и есть, а?

— А что сейчас будет? — хихикнув, спросил я Чоботова.

— Сейчас — вот увидишь: кто-нибудь скажет: «Я не хотел говорить, но меня разозлили...»

Председательствовавший Степанов вдруг налился кровью и застучал по столу кулаками. Стало несколько тише.

— Я не хотел выступать, — сердито прокричал Степанов, — но меня рассердили!..

И он произнес длинную речь, после которой человек восемь сказали:

— Теперь дай уже и мне!

Каюсь: в числе этих восьми был я сам.

Когда я, внезапно ощутив полемический пыл, нетерпеливо ожидал своей

очереди говорить, П. С. Чоботов сказал мне:

— Вот этого я боялся больше всего. Если сказали: «Дай уж и мне», — значит, раньше десяти часов не кончится... Прощай друг...

И Чоботов пошел к дверям. Я попытался его задержать.

— Подожди! Я только выскажусь, и — пойдем...

Но Чоботов уже пробрался в коридор и оттуда сделал мне ручкой.

...На другой день Чоботов подошел к моему столу и, протягивая руку для пожатия, спросил:

— Ну, когда вчера кончилось? В одиннадцать?

— В половине первого, — отвернувшись, ответил я.

— По второму разу все говорили?

— Все. А Мышенков, я и этот, из Бронницкого совхоза, — по третьему.

— Та-ак. А по личному поводу кто?

— Человек пять... И как это ты, П. С. все знаешь?

— Да уж знаю. Кто с кем сегодня не разговаривает?

— Синецын не разговаривает со Степановым и потом с Голосовкером...

— Так, к сожалению, частенько бывает, — заключил П. С. Чоботов.

В. АРДОВ

Двуглавы
Всегда
Как сим
Висел на
И многи
Напичка
И многи
Никогда
А на пов
А дряни
И участ
Для все

ый орел, золоченый и ржавый,
единаново пышный и строгий,
вол незыблемого самодержавия,
ад дверями аптек и острогов.
м казалось: орел двуглавый
и по горло бессмертною славой.
е думали: лапы орльи
не сорвать с народного горла.
ерку совсем не славой,
был полон жупел двуглавый.
его — намек благородный
к геральдическим птицам и животным.

КУКРЫНИКСЫ 37

СИЛЬНОЕ СЛОВО

В нашем поселке негде помыться трудящемуся человеку: бани нет.

Можно было бы, конечно, свободно обойтись и без бани. Душ, говорят, вполне способен заменить собой баню.

Но вся беда в том, что душа нет. Тем более, что и водопровод в полной неисправности.

Не раз и не два посылали мы от нашего поселка авторитетные делегации к председателю городского совета, к товарищу Дунькину.

Секретарь председателя отсылал делегацию к заместителю. Но у заместителя — постоянно действующий флюс, и ему, заместителю, невозможно поэтому разговаривать с делегациями — он отсылал к заведующему отделом благоустройства, а тот только махал руками:

— Нам теперь не до мытья. Мы на сегодняшний день сосредоточили наше внимание на художественном оформлении нефтелавки в стиле Людовика нето четырнадцатого, нето пятнадцатого.

Вот из-за этого самого Людовика мы и не мылись. Много зла Людовика наделали людям...

Вот сидим мы этак и рассуждаем: как бы все-таки добиться свидания с товарищем Дунькиным?

Кто-то предложил:

— Пошлем к председателю Самогрееву: он человек нахальный и малокультурный, он возьмет нахрапом.

Самогреева мы уже давно знаем. Голос у него неприятный, всегда простуженный. И любит он этим голосом пользоваться. Как захрипит, запишет, — скорей исполняй всякую его просьбу, лишь бы замолчал.

Кроме всего прочего Самогреев непрочь приврать. Особенно насчет своих военных подвигов:

— Самое мое разлюбезное дело — в штыки ходить. А то сидишь в окопе без дела — скучать начинаешь. А тут ты немца пырнешь штыком, он тебя пырнет — глядишь, и день кончился...

Послали за Самогреевым. Он сразу согласился послужить обществу.

— Я, — говорит, — прорвусь. Не такие фортификации брал!

Возвращается он часа через два. Видим: идет веселый, радостный и напевает «Умер бедняга в больнице военной». Эту песню он всегда поет, когда у него случается хорошее расположение духа.

Мы — к нему:

— Говорил с Дунькиным?

— Куда там! Но зато какого страха нагнал! Как завидел он меня в окно, бросился через черный ход, сел верхом на коня и удрал за город. Думаю, уже километров тридцать отмахал.

Мы, конечно, в панику не ударяемся. Сидим и думаем: что дальше делать? Иван Петрович и говорит:

— Ошибку мы сделали, что послали Самогреева. Теперь время не такое, чтоб нахалы имели успех. Надо послать человека обходительного, культурного. Я предлагаю делегировать товарища Куницу.

Куница — одна из самых интеллигентных личностей в поселке. В прошлом году он даже чуть не открыл новую звезду на нашем горизонте. Но тут на его беду аэроплан появился и закрыл звезду. А когда аэроплан удалился, звезды не стало.

Так вот Куница и ушел

в городской совет. Было это в полдень. Сидим и ждем. Солнце уже заходит, а Куницы все нет. Начало темнеть — не видать Куницы.

Часов в десять вечера получаем от него через одного мальчонку записочку:

«Сижу в ожидании. Настроение бодрое. Пришлите покусать. Уповаю на успех. Куница».

Вернулся Куница только на третий день к вечеру. Осунулся маленько. На все наши расспросы ничего не отвечал. Да нам и так все ясно было.

И вот тогда выступил на нашем заседании товарищ Конвертов.

— Я, — говорит, — добьюсь приема.

— Каким образом?

— Слово такое знаю. Сильное слово. На такого бюрократа, как Дунькин, это слово имеет магическое действие.

— Хорошо, попробуй. Попытка — не пытка.

— Только со мной должны идти еще два человека. Чтоб вроде делегации.

И вот пошли мы втроем: Конвертов, Горелов и я. Идем, а что там такое надумал Конвертов, не знаем.

Пришли, а нас, конечно, к председателю не пускают. Но Конвертов подходит к секретарю и говорит:

— Передайте, пожалуйста, товарищу Дунькину, что пришла делегация приветствовать его как испытанного борца и достойного руководителя.

Секретарь тотчас же бежит в кабинет, возвращается оттуда и улыбаясь говорит:

— Пожалуйста, пожалуйста! Заходите. Товарищ Дунькин вас ждет.

Председатель встретил нас с распростертыми объятиями. Усадил, предложил папирос.

Но Конвертов не садится и говорит:

— Товарищ Дунькин, разрешите зачитать.

И вынимает из кармана бумажку.

Председатель его останавливает: — Одну минуточку...

Нажимает кнопку звонка и приказывает вошедшему секретарю:

— Никого не принимать. Меня сегодня нет и не будет. Велите подать сюда чаю, печенья и немного фруктов.

Затем Конвертов начинает читать:

«Дорогой Кузьма Игнатьевич, товарищ Дунькин! Общее собрание жителей поселка № 1 приветствует в вашем лице испытанного борца за дело коммунального благоустройства и достойного руководителя нашего города. Только благодаря Вам мы сумели в нашем поселке приступить к постройке бани, которую мы, понятно, назовем Вашим, Кузьма Игнатьевич, именем...»

— Виноват, — прервал его председатель, — а кредиты уже отпущены?

— Нет еще, — отвечает Конвертов, — но это простая формальность.

— Мы это сейчас сделаем без волокиты. А потом — ха-ха — я к вам приду попариться, — и обращается к секретарю: — Приготовьте проект постановления...

Короче говоря, теперь уже строится баня в нашем поселке. Вскорости можете пожаловать к нам мыться.

Но Дунькину, как видно, не придется в ней попариться. Ох, чует мое сердце, — не придется: говорят, перевыборы не за горами.

Г. РЫКЛИН

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЕКРЕТАРЮ КРАСНОСУЛИНСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ

По дошедшим до нас сведениям, 27 января 1937 года в 6 часов вечера открылось заседание президиума Красносулинского горсовета, в повестке дня которого стоял 31 (тридцать один) вопрос.

Занятая разоблачением других бюрократических извращений, редакция Крокодила не могла послать своего представителя на это, в некотором смысле историческое заседание президиума городского совета.

Интересуясь по характеру своей работы последствиями всякого чиновничьего головотяпства и формализма, просим сообщить ваши соображения по поводу упомянутого выше заседания на предмет предотвращения возможности таких случаев в дальнейшем.

С почтением редакция Крокодила

МЯТЕЖНИКИ В МАЛАГЕ

Рис. Л. Бродаты

— От кого же они бегут?
— От полицейского. Отряд-то из бывших уголовников... Ничего не поделаешь — условный рефлекс!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Еще о зажиме самокритики. У нас, в столовой Запсибкрайисполкома, вот как кормят: «московская солянка» (200 граммов квашеной капусты и 50 граммов мясных и колбасных обрезков)—порция 2 рубля 50 копеек, «котлеты» или «биточки» (мяса — 25%, моченого хлеба — 75%, воды — доотказа) — порция

1 рубль 50 копеек—2 рубля 25 копеек.

За устную жалобу на дороговизну и грязь в столовой наказывают: еда подается на полчаса позже.

Вероятно, за письменную жалобу в Крокодил мне будут подавать с опозданием на месяц. Но что ж делать! — я рискую.

Е. ПЕТРОВ

Новосибирск

Товарищ Крокодил!

Когда хотят похвалить хозяина за экономию, говорят, что у него всякая копейка рублевым гвоздем прибита. Я понимаю, что это говорится в иносказательном смысле. А вот в колхозе «Искра» всерьез взялись приколачивать каждую копейку рублевым гвоздем. 27 января заместитель председателя правления колхоза «Искра» Третьяков

и счетовод Пономарев вдруг заметили, что райпотребсоюз перебрал у колхоза 1 (одну) копейку. Добрых полчаса они составляли длинное письмо в правление райпотребсоюза, затем тиснули штамп, поставили номер, подписали и отправили письмо доплатным. Таким образом, еще до того как райпотребсоюз узнал о своей роковой задолженности колхозу «Искра», эта копейка долга уже обошлась райпотребсоюзу в 40 копеек. Стоит ли выполнять просьбу Третьякова и провести бухгалтерскую операцию перечисления 1 (одной) копейки на его текущий счет? 40 копеек уже истрачены на это дело. А это уже значительно больше, чем стоят оба упомянутых выше работника.

ЧИСТЯКОВ

Колхозный р-н,
Челябинской области.

ДУЧЕ О ГИБРАЛТАРЕ

Фотомонтаж Б. Клинка

Своим его зовет британец по привычке,
Но у моих он нынче ног.
Пусть на английск ий заперт он замок,
Но у меня к нему сеутские отмычки.

Дорогой Крокодил!
Президиум Саралинского райисполкома (Хакасской области, Красноярского края) вынес такое постановление (28 января 1937 года):

«Установить дни по приему жалоб и заявлений 15-го и 30-го числа каждого месяца».

Ну, я лично не стала дожидаться ни 15-го, ни 30-го числа, а прямо написала тебе, дорогой Крокодил, эту вот жалобу на райисполком.

Помоги отменить это постановление, которое противоречит Сталинской Конституции.

Ф. НИКИФОРОВА

Уважаемый Крокодил!

Руководители читинской ТЭЦ, Шубстроя и читинской электростанции никак не могут договориться между собой насчет снабжения города электроэнергией. В результате мы, читинские жители, частенько сидим без света, а отцам города и горюшка мало. Ведь плату за энергию они получают не по счетчику, а с лампочки. Вот и платишь за лампочку, которая добрых полмесяца не горит.

Дорогой Крокодил! Помоги, пожалуйста, договориться перечисленным выше энергетическим предприятиям.

Заранее благодарный
П. ИВАНОВ

Чита

Рис. Бор. Ефимова

Товарищ МОРОЗОВ и товарищ ПУШКИН

Александр Сергеевич Пушкин никогда не любил браться за дело, которого он не знал.

Этим он выгодно отличался от тов. Морозова, проживающего в городе Кузнецке, Куйбышевской области, и работающего в комиссии по урожайности.

В этом отношении Пушкин — Морозову не товарищ. Хотя последний в своем вступительном слове на юбилейном пушкинском вечере, состоявшемся 10 февраля 1937 года в Кузнецком городском театре, впопыхах и назвал покойного поэта «тов. Пушкиным».

Судя по вступительному слову, которое он произнес, тов. Морозов — настолько занятой человек, что так никогда и не удосужился прочитать Пушкина.

Надо полагать, что он и вообще-то маловато в своей жизни прочитал книжек. В противном случае он не говорил бы «интерцализм» вместо интернационализм, «обшибся» — вместо ошибся, «эпиграммы» — вместо эпиграммы и не переименовывал бы село Горюхино в «Горюново».

Приятно отметить, что на торжественном пушкинском вечере школьники под гром аплодисментов преподнесли председателю райисполкома тов. Клименко альбом.

ЧАПАЕВСКИЕ МИЗАНТРОПЫ

Куйбышевская кондитерская фабрика получила из народного суда города Чапаевска сообщение о том, что

«Дело ваше за № 2-1044 по иску к райпотребсоюзу о 832 рублях 76 копейках не слушалось, и не известно, на какое число будет слушаться».

Пламенный наш привет геройским штатным единицам чапаевского нарсуда. Побольше жизнерадостности, граждане! Не так уж плохо живется в Чапаевске вам — судейским бюрократам.

КЛОАКА ФАВОРИТОК

Мы так и знали. Предчувствие было, что не обойдется без гадостей во время великих, всенародных пушкинских торжеств. 10 февраля ереванская газета «Коммунист» в ознаменование столетия юбилея со дня гибели поэта поместила стихотворение Сергея Арутюняна «Жене поэта», в котором покойной Наталии Гончаровой-Пушкиной здорово-таки досталось на орехи от Сергея Арутюняна:

«Над дворцами, тонущими в клоаке фавориток,

*Знаменем плещется царская простыня.
А ну-ка, беспечная, поговори ты,
Поговори ты, надменная, у меня!»*

Ясно, что покойная жена поэта, особенно после таких развязных слов, меньше всего склонна разговаривать с Сергеем Арутюняном. И вот Сергей Арутюнян на протяжении двухсот порядком безграмотных строк всячески волочит по грязи репутацию жены поэта и заодно, конечно, самого Пушкина.

Что спрашивать с Сергея Арутюняна? Бедняга написал, как мог и как чувствовал. А вот ответственному редактору «Коммуниста» тов. Аш. Газарьяну стыдно вато печатать такие малограмотные стишки. Читателя посовестились бы, товарищ ответственный редактор!

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА: „ГДЕ ГОРКОМ?“

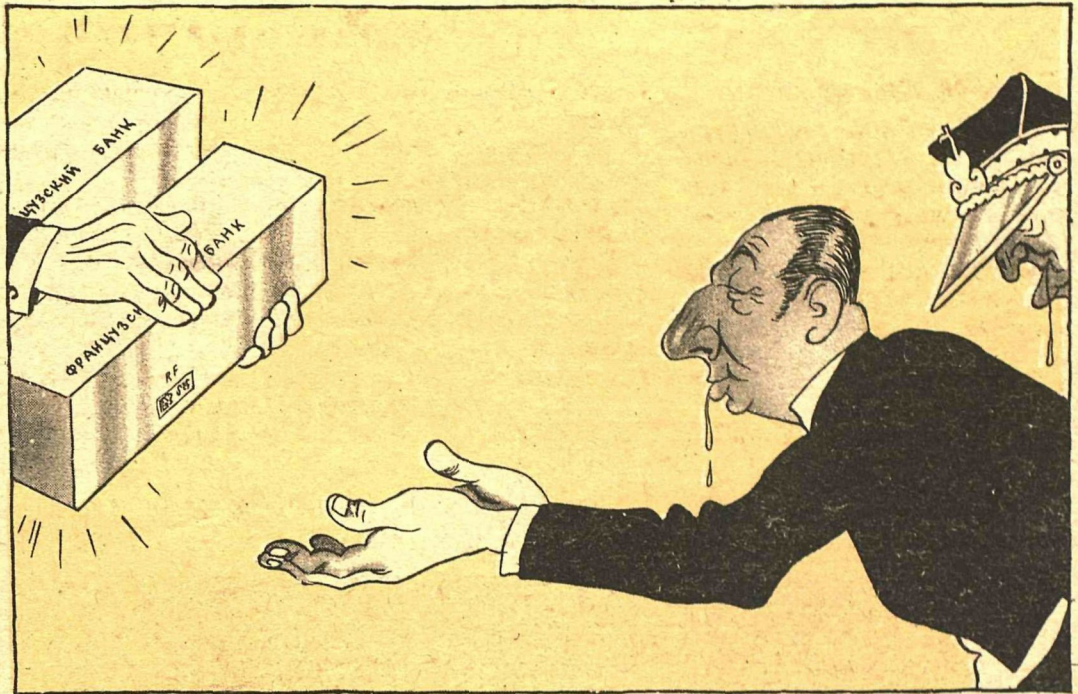
Из приказа № 297 по Белгородскому мясокомбинату от 16 декабря 1936 года:

«В целях поднятия культурного уровня стахановцев и рабочих вверенного мне комбината и быть в курсе текущих событий приказываю всем заведующим цехами вести массовую работу с рабочими вашего цеха, ежедневно после работ или в обеденный перерыв читать газету, передовую и о международном положении, разъяснять все решения и постановления партии и правительства... Вся массовая работа ведется под руководством ветврача Шестопалова».

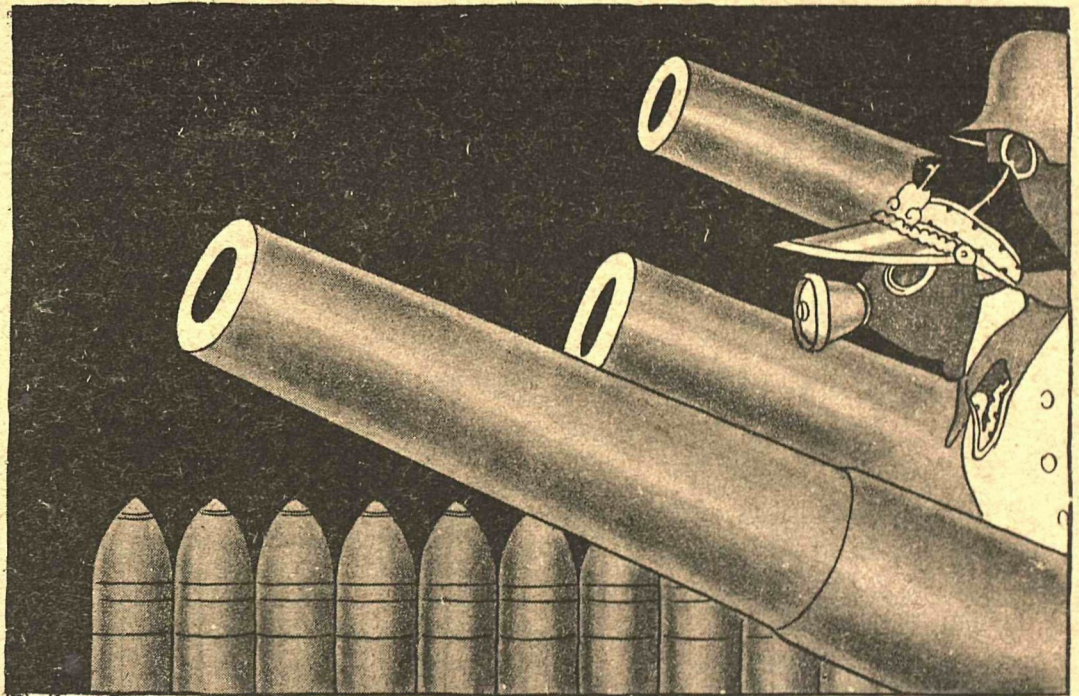
Директор Белгородского мясокомбината Битенаж.

В этом весьма добросовестно составленном приказе не хватает только двух пунктов:

- 1) Партийному комитету и завкому сдать, а заведующим цехами принять всю массовую, партийную и профессиональную работу. Об исполнении донести ветврачу Шестопалову.
- 2) Впредь до особого разрешения деятельность парткома и завкома ограничить приемом членских взносов.

Перед французами вертелся Бек вьюном
И получил, чего просил и ждал он.

Ох, как бы Франции он не вернул заем
Каким-нибудь другим металлом!

ОТПИСАНО—И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ

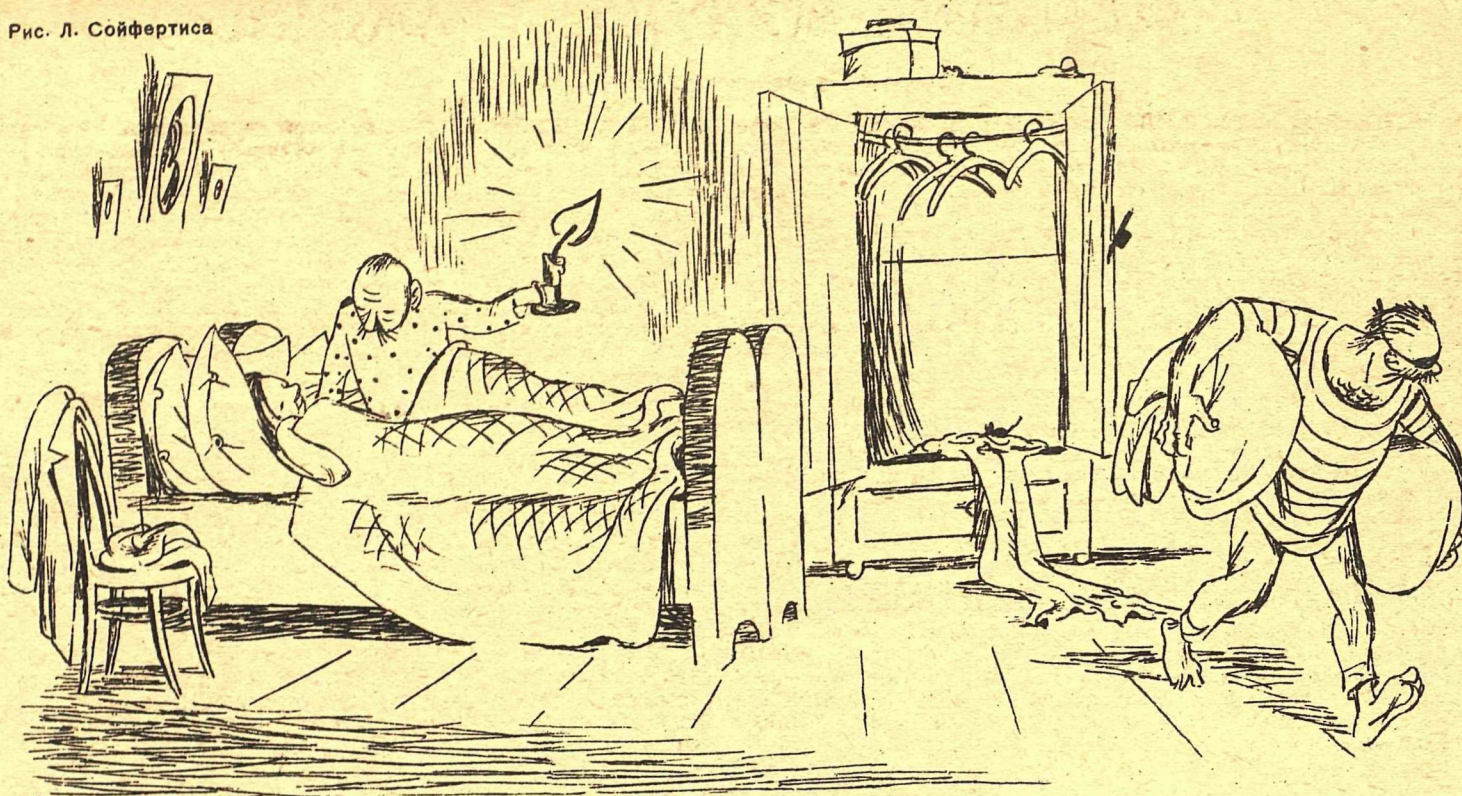
Начальник пассажирской службы Юговосточной железной дороги тов. Войтович сообщает, что «комната матери и ребенка» на станции Поворино

«не закрыта и до настоящего времени функционирует. Санврач запретил иметь там только детские кровати, так как рядом находится уборная. Эти кровати из комнаты изъять. Перевести сейчас в другое место «комнату матери и ребенка» не представляется возможным за недостатком помещения».

Налицо интересное медицинское открытие. Оказывается, что соседство уборной вредит «комнате матери и ребенка» только в том случае, если в комнате находятся детские кровати. Если же эти кровати из комнаты изъять, то просящим детям и матерям в таком помещении — чистое раздолье.

Это несколько оригинально, мы даже сказали бы необычно, и во всяком случае недостаточно обосновано.

Но оказывается, что для бюрократической отписки этого вполне достаточно.

— Представь себе, душечка, мне только что приснилось, что нас дочиста обобрали!

В СОКОЛЬНИКАХ

Хронометраж индивидуальной лыжной вылазки

10 часов 20 минут. Вышел из дому и встал в очередь на автобус.

10 часов 45 минут. Отправился в отделение милиции как свидетель драки в очереди на автобус.

11 часов 15 минут. Вернулся из милиции и снова встал в очередь на автобус.

11 часов 50 минут. Прибыл в Сокольники на лыжную станцию и встал в очередь за лыжными пьексами.

12 часов 20 минут. Узнал неприятную новость. Сегодня на станции пять организованных вылазок с участием передвижного буфета и художественной самодеятельности. Руководители станции растерялись и остро грустят по этому случаю. Говорят, что неорганизованные, вроде меня, смогут получить сегодня только палки.

12 часов 55 минут. Оказалось, что про палки наврало. Надо ждать. Стою. Завидую организованным, которые катаются на лыжах под баян.

1 час 20 минут. Стою. Завидую.

1 час 30 минут. Прочел у у кассы объявление: «Желающие могут принять душ. Стоимость—50 копеек. Тут же продаются полотенца. Стоимость—1 рубль». Решил пока принять душ. Все равно ждать еще долго. Кстати, я давно уже собирался в баню.

1 час 50 минут. Пришел в душевую. Грязновато, но ничего. Разделся. Пока был одет, вода шла. Как только разделся, вода перестала течь. Высунулся голый и стал кликать уборщицу. Сказали, что она внизу разговаривает с кассиршей. Надел кальсоны, накинул шубу, занял у одного товарища пьексы, чтобы не шнуровать ботинки, надел их на босу ногу и пошел искать уборщицу.

2 часа 30 минут. Нашел уборщицу в буфете: пила чай. Сказала, что вода пойдет, нужно обождать. Это, мол, бывает. Сначала не идет, а потом сразу начинает течь. Вернулся в душевую. Сажу голый, в шубе, накинутой на плечи. Жду, когда пойдет вода.

3 часа 00 минут. Вода пошла, но очень холодная. Пришла уборщица и сказала, что нужно обождать. Это, мол, бывает: сначала идет холодная, потом сразу начинает течь горячая.

3 часа 10 минут. Ура! Пошла очень горячая вода. Попробовал купаться, но ошпарился. Добрая уборщица принесла лыжную мазь смазать обожженное плечо. Смазал. Стало легче.

3 часа 20 минут. Ура! Наконец, принял душ и вытерся купленным полотенцем.

3 часа 30 минут. Пока я

купался, организованные вылазки окончились и неорганизованные лыжники расхватили все лыжи и пьексы. Теперь нужно ждать еще час, не меньше.

4 часа 30 минут. Получил лыжи и пьексы. Но кататься уже нельзя: снег растаял, очень мокро. С утра было хо-

рошо, а сейчас сильно потеплело.

4 часа 45 минут. Походил немножко на лыжах по коридору и,

4 часа 50 минут, завернув в газету купленное полотенце, поехал домой.

М. Денисов

„МИСТЕР ФЛЕЙШМАН ДЕЛАЕТ ДЕНЬГИ“

В № 1 «Крокодила» за 1937 год был помещен фельетон И. Бушуева «Мистер Флейшман делает деньги». Ниже мы печатаем постановление Днепропетровского обкома КП(б)У, принятое по этому фельетону.

О ЗАВЕДУЮЩЕМ ПАРТКАБИНЕТОМ АМУР-НИЖНЕДНЕПРОВСКОГО РАЙПАРТКОМА ФЛЕЙШМАНЕ М. Я.
(Постановление обкома КП(б)У от 29/1 1937 года)

Флейшман М. Я., работая в течение 1936 года заведующим парткабинетом Амур-Нижнеднепровского райкома и выступая не раз на рабочих собраниях как докладчик по международным и другим вопросам, договаривался заранее с заводами об оплате ему за эти доклады. Эта, совершенно недопустимая в жизни парторганизации практика стала известна Амур-Нижнеднепровскому райпарткому только после опубликования фельетона в «Крокодиле». Подобные торгашеские методы в постановке агитационной работы могли возникнуть только в результате отсутствия контроля за работой парткабинета со стороны райкома и передоверия важного участка партийной работы — пропаганды и агитации — «специалистам» этого дела.

Такой факт, когда работник партийного аппарата, делая политические доклады на рабочих собраниях, получает за это денежную награду, противоречит всем принципам большевистской партийности, дискредитирует партию и является ярким проявлением бюрократизма в партийной работе.

Этот факт также лишний раз свидетельствует о несерьезном подходе к подбору пропагандистских кадров.

Обком постановляет:
1. Признать решение Амур-Нижнеднепровского райкома об объявлении строгого выговора Флейшману и снятии его с работы недостаточным. Отменить это решение.

Флейшмана М. Я. (сына торговца, члена партии с 1931 года, имевшего партвысказание за сокрытие социального положения) из партии исключить, как ничего общего не имеющего с большевистской партийностью и использовавшего свое пребывание в партии для карьеристских и шкурных целей.

2. Обязать Амур-Нижнеднепровский райпартком подать на утверждение обкома в ближайшее два-три дня кандидатуру заведующего парткабинетом райкома.

3. Обязать Амур-Нижнеднепровский райком, а также все горкомы и райкомы области прекратить практику посылки докладчиков в первичные организации и на рабочие собрания отдельными работниками партийного аппарата без ведома секретари и бюро райкома.

4. Указать Амур-Нижнеднепровскому райкому, что докладчиками на партийные и рабочие собрания надо посылать активных, проверенных членом парторганизации, в первую очередь руководящих партийных работников.

III

Обком указывает всем горкомам и райкомам, что позорный факт, раскрытый в Амур-Нижнеднепровском райкоме, должен стать серьезным сигналом для всех городских и районных комитетов партии. Из этого факта они должны сделать для себя серьезные выводы, внимательно проверить практику работы парткабинетов и принять надлежащие меры к укреплению их лучшими проверенными партийными работниками.

Предложить Амур-Нижнеднепровскому райкому:

а) обсудить вопрос о состоянии политической агитации на ближайшем собрании райпарткомитета;

б) сообщить рабочим тех заводов, где делал доклад Флейшман, о данном постановлении обкома.

ОБКОМ КП(б)У

ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ, ГРАЖДАНЕ

Отдел ведется под руководством К. А. Фролова

ОТ РЕДАКЦИИ КРОКОДИЛА. Какой это К. А. Фролов, и не брат ли он известному крокодильскому изобретателю и рационализатору Ивану Афанасьевичу Фролову? Совершенно верно, товарищи читатели. Кузьма Афанасьевич — старший брат изобретателя Фролова — работает уже много лет консультантом в разных провинциальных и столичных организациях. Редакция потратила немало сил и энергии, чтобы привлечь маститого Кузьму Афанасьевича для работы в журнале. Кузьма Афанасьевич долго не соглашался, ссылаясь на огромную загрузку в двадцати восьми других организациях, и только железный напор кадровиков редакции и читательского актива сломил, наконец, упорство Кузьмы Афанасьевича.

Не будем говорить о денежной стороне дела (эту глубоко интимную сторону вопроса мы обещали не раскрывать), скажем только, что за 2½—3 часа работы в месяц Кузьме Афанасьевичу обеспечена ежедневно подача легковой машины «М-1», проезд в международном вагоне с удвоенными суточными в случаях командировок, путевка на 2—3 месяца в первоклассный южный курорт на две персоны (для Кузьмы Афанасьевича и его жены).

Читатели видят, на какие большие жертвы мы пошли для того, чтобы привлечь к сотрудничеству в журнале этого патриарха консультантского дела, которого мы и просим любить, жаловать и терпимо относиться к его специфически консультантским, маленьким недостаткам.

ВОПРОС. Посоветуйте хорошую пьесу с актуальным сюжетом, откликающимся на события в Испании.

(Спрашивает периферийный режиссер Н.)

ОТВЕТ. Из хороших пьес можем рекомендовать «Отелло» Шекспира. Сюжет в «Отелло» актуальный и откликается на испанские события. В этой пьесочке мавр душит белую женщину.

ВОПРОС. Укажите какое-нибудь интересное занятие пожилому тихому мужчине, имеющему много свободного времени.

(Спрашивает ответственный работник культотдела профсоюза).

ОТВЕТ. Если вас не устроит раскладывание пасьянсов и овладение техникой показывания фокусов, займитесь вышиванием по тюлю. По свидетельству Н. В. Гоголя, это занятие облагораживает и развлекает.

ВОПРОС. Как приготовить недорогое вкусное блюдо, если к вам неожиданно пришли гости?

ОТВЕТ. Прежде всего не нужно теряться. Как только гости усядутся на диванчик, вы под благовидным предлогом выходите на улицу и из ближайшего автомата звоните домой. Вызвав жену (не забудьте изменить голос), предложите ей громко произнести такую приблизительно фразу:

— Что? У мамы припадок? Сейчас еду.

Высчитав время, необходимое неожиданным гостям, для того чтобы убраться восвояси, спокойно возвращайтесь домой, берите сковородку, четыре яйца и сто граммов сосисок и жарьте на медленном огне недорогую и вкусную яичницу. На двоих вам хватит заглаза.

НАТУРАЛИСТ

Рис. Л. Генча

Что означает сей рисунок хитрый,
Откуда летний вдруг на полотне пейзаж?
Секрет простой: сей труженик палитры
Натренирован на подхалимаж.

Редактор — МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 80 к. в месяц

Редакция: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 265

Слача текста и рисунков 26 II—37 г.

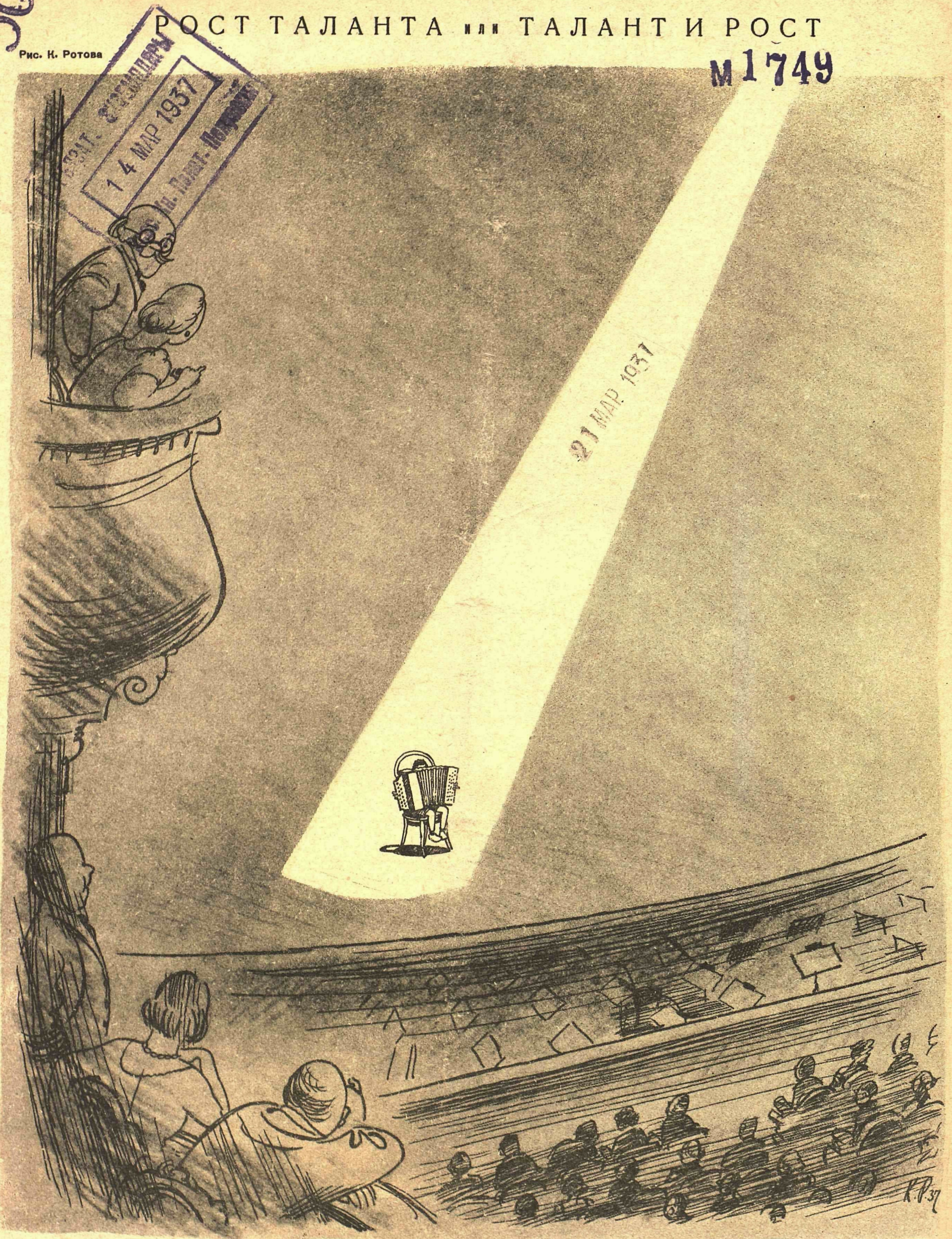
Подп. к печати 4 III—37 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—10725

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 481 Тираж 275 000

— Молодчина мальчик! Даже перед такой большой аудиторией не смущается.
 — А чего ему смущаться? Ведь он же ее не видит!